

Максим Козлов

Солёная вода

18+

Максим Козлов

Солёная вода

«Автор»

2026

Козлов М.

Солёная вода / М. Козлов — «Автор», 2026

2053 год. Мир, в котором пресная вода стоит десять долларов за литр, а засуха превратила великие реки в ручьи. Инженер-опреснитель Майкл Доусон работает на станции в Калифорнии, делая из морской воды питьевую — дорогую, невкусную, пустую. Его восьмилетняя дочь теряет зубы, жена кашляет кровью, а мембраны на станции изношены до предела. Но где-то под пустыней Мохаве, по слухам, скрыто целое море пресной воды — и правительство знает о нём, но молчит, опасаясь войны с Мексикой. Майкл решает найти правду. Его путь пройдёт через пустыню, тюремные камеры, военный трибунал и международный скандал. «Солёная вода» — роман о жажде, которая сильнее страха, и о людях, способных изменить мир, даже когда он рушится. После этой книги вы больше никогда не откроете кран не задумываясь.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПЫЛЬ НА ГУБАХ	5
СТАНЦИЯ	15
КОСТИ	22
СКВАЖИНА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Солёная вода

ПЫЛЬ НА ГУБАХ

Он просыпался всегда в четыре утра, когда жара еще не начиналась, но уже было понятно, что день будет плохим. Воздух пах гарью и солью, хотя океан был в пятнадцати километрах. В это время ветер дул с материка и нес с собой пыль, которая скрипела на зубах, если сжать челюсти. Майкл лежал на спине и смотрел в потолок, на котором проступали ржавые разводы от протекшей крыши. Крыша текла уже год, починить было нечем, он заклеил дыру изоляцией, но изолянта высохла и отвалилась в июне. Сейчас был август, дождей не было с марта, так что это не имело значения.

Он повернул голову. Сара спала, отвернувшись к стене, ее спина была мокрой от пота, простыня прилипла к лопаткам. Он смотрел, как она дышит — неровно, с каким-то присвистом, который появился у нее после последней пневмонии. Врач сказал, что легкие забиты солью. Соль была везде — в воздухе, в воде, в еде, даже в хлебе, который они пекли сами из муки, купленной по талонам. Мука тоже была соленой, потому что мельницы использовали морскую воду для охлаждения механизмов, а фильтры никто не менял уже черт знает сколько времени. Фильтры стоили дороже, чем сама мука.

Майкл сел на край кровати. Пол был бетонный, босые ноги почувствовали холод, что было странно для августа. Значит, температура упала за ночь, может, до пятнадцати градусов. Это было хорошо. В жару опреснительная установка работала хуже, мембраны забивались быстрее, а чистить их было нечем, реактивы кончились еще в прошлом квартале. Он натянул штаны, старые джинсы, которые купил еще до Перелома, когда вода стоила центов сорок за галлон и никому в голову не приходило, что джинсы можно не стирать неделями. Сейчас он стирал их раз в месяц, соленой водой, от которой ткань становилась жесткой, как наждачная бумага, и терла кожу до крови в паху. Но это было терпимо. Много было терпимо, если не думать об этом слишком долго.

На кухне он включил плитку. Электричество давали по часам — два часа утром, два вечером. Сейчас был его утренний промежуток, с четырех до шести. Можно было вскипятить воду для кофе. Кофе у него был, последняя банка, которую он купил у мексиканца на рынке за пол-литра воды из своего пайка. Мексиканец сказал, что кофе бразильский, но Майкл знал, что это вранье — Бразилии больше не было, Амазонка обмелела до состояния ручья еще в сорок шестом, кофейные плантации сгорели, то что продавали под видом кофе было женой ячменной шелухой с добавлением хинина. Но это было похоже на кофе по вкусу, почти, если добавить соли. Соль была бесплатной, океан был в пятнадцати километрах, можно было набрать сколько угодно, но соль не утоляла жажду, а только усиливала ее.

Он насыпал в кружку порошок, залил кипятком. Вода была из опреснителя, который он сам обслуживал на станции. Техническая вода, не питьевая, но он нарушал правила и приносил домой в термосе. Питьевая вода продавалась по карточкам, три литра на человека в день, этого не хватало даже чтобы не умереть. Люди умирали от обезвоживания прямо на улицах, особенно старики и дети. Старики умирали молча, дети — с криком, который потом долго стоял в ушах, если ты был рядом и ничего не мог сделать. Майкл был рядом дважды. Первый раз это был соседский мальчик, сын Эрнандесов, которые жили через стенку. Мальчику было четыре, он кричал три дня, потом перестал, и Эрнандес вышел во двор и сел на землю и сидел так до вечера, пока его не унесли санитары. Второй раз это была девочка в очереди за водой, она просто упала и больше не встала, и мать стояла над ней и не могла даже плакать, потому что слезы — это тоже вода, а вода была слишком дорогой, чтобы тратить ее на плач.

Он отхлебнул из кружки. Вода отдавала металлом и чем-то затхлым, как старый аквариум, в котором давно не меняли воду. Но это была вода, и она была мокрая, и он выпил ее медленно, маленькими глотками, растягивая удовольствие. Потом налил еще столько же в термос и закрутил крышку. Это для Лейлы. Ей нужно было пить больше, чем взрослым, врач сказал, детский организм быстрее обезвоживается. Лейле было восемь, и она уже потеряла четыре зуба. Молочные зубы выпадают у всех детей, но у Лейлы они выпадали вместе с кусочками десны, и кровь текла по подбородку, и она смотрела на отца и спрашивала, почему это происходит. Он говорил, что так бывает, что новые зубы вырастут крепкие и белые, но сам знал, что это вранье. Новые зубы у детей в Калифорнии не вырастали. Кальций вымывался из костей, потому что в опресненной воде не было минералов, а добавки, которые должны были вносить на станции, стоили дороже, чем сама вода, и их никто не закупал уже два года. Дети пили дистиллят, пустую воду, которая вытягивала из организма все, что могла, и кости становились хрупкими, как у стариков, и зубы крошились, и волосы выпадали. Лейла носила платок, чтобы скрыть проплешины, но платок был старый и линял на подушку, и по утрам ее лицо было в синих разводах.

Майкл допил кофе. На дне кружки остался осадок — то ли кофейная гуща, то ли песок, то ли соль. Он не стал разбираться. Поставил кружку в раковину, где уже стояла немытая посуда. Мыть посуду было нечем, вода для мытья не полагалась, а соленой водой мыть было нельзя, потому что соль разъедала эмаль и посуда трескалась. Они просто вытирали тарелки тряпкой после еды, и этого хватало, чтобы не заболеть. Или казалось, что хватало. Сара кашляла кровью каждое утро, и Майкл не знал, от посуды это или от воздуха или от воды, которую они пили. Врач сказал, что это вирус, который мутировал в соленой среде и теперь прекрасно себя чувствовал в опресненной воде, где раньше погибал за секунды. Новый штамм, устойчивый ко всему, кроме кипячения при ста градусах и то не всегда. Сара кипятила воду по часу, тратя драгоценное электричество, но это не помогало, вирус проходил через мембраны, через кипячение, через все фильтры, которые можно было купить на черном рынке. Черный рынок был единственным работающим институтом в Калифорнии пятьдесят третьего года.

Он вышел во двор. Солнце еще не взошло, но небо на востоке уже серело, и на фоне этого серого света были видны силуэты опор линий электропередач, которые не работали с прошлого Рождества. Кто-то украл провода, километров двадцать медного кабеля, и сдал в металлолом. Металлолом принимали на военной базе в обмен на воду, армия копила медь для каких-то своих нужд, Майкл не знал для каких, да и не хотел знать. Армия была отдельным государством внутри государства, у них была своя вода, свои скважины, свои запасы. Гражданских они не трогали, пока гражданские не трогали их. Иногда пропадали люди, которые слишком близко подходили к армейским водовозам, но это были слухи, и никто не знал, правда это или нет. В такое время слухи были единственной валютой, которая не обесценивалась.

Двор был маленький, засыпанный гравием, который Майкл привез с побережья еще в сорок девятом, когда у них был пикап и бензин стоил не дороже человеческой почки. Пикап давно разобрали на запчасти, бензин кончился, почки у людей все еще были, но стоили уже меньше, чем полный бак. Гравий хрустел под ногами, и этот звук напоминал ему о детстве, о поездках на озеро Тахо, которое теперь было мертвым, высохшим до дна, покрытым коркой соли и дохлой рыбы. Он помнил, как купался там с отцом, как вода была холодной и пахла сосной и как отец говорил, что это лучшая вода в мире, чище, чем в бутылках, которые продавали в супермаркете. Тогда Майкл не понимал, зачем покупать воду в бутылках, если она течет из крана бесплатно. Теперь он понимал. Теперь вода в бутылках стоила десять долларов за литр в государственных распределителях и пятнадцать на черном рынке, и это была та же самая вода, которую он делал на своей станции, только пропущенная через дополнительный фильтр с минерализатором, который работал через раз.

Он подошел к сараю, где хранил инструменты. Сарай был заперт на висячий замок, старый «Мастер», который он купил в «Уолмарте», когда «Уолмарт» еще существовал. Ключ висел у него на шее на нейлоновом шнурке, вместе с жетоном работника станции и медальоном святого Христофора, который Сара повесила ему перед свадьбой и который он не снимал даже в душе. Душ был холодный, соленая вода из шланга во дворе, он принимал его раз в три дня и каждый раз чувствовал, как соль въедается в кожу и остается белым налетом на волосах. Волосы у него были жесткие и торчали в разные стороны, он стриг их сам машинкой, которую купил на гаражной распродаже за две банки тушенки. Тушенка была стратегическим запасом, который они хранили с сорок седьмого года и открывали только по большим праздникам. Последний раз они открыли банку на день рождения Лейлы, в марте, и мясо оказалось тухлым, и они все равно съели его, потому что выбрасывать еду было нельзя, и потом три дня мучились животами, но выжили.

В сарае было темно и пахло машинным маслом и старой резиной. Он нашарил на полке фонарь, включил. Луч высветил стеллаж с деталями для опреснительной установки — запасные мембраны, прокладки, манометры, которые он снимал со списанного оборудования и ремонтировал по ночам. Ремонтировать оборудование было его работой и его жизнью. Он работал на опреснительной станции «Сан-Онофре», которая давала двадцать процентов воды для Сан-Диего. Двадцать процентов — это было много, это было почти триста миллионов галлонов в сутки, но Сан-Диего нужно было в три раза больше, и остальное везли танкерами из Орегона, где еще были реки, и из Канады, где вода все еще стоила дешево и ее хватало на экспорт. Канада была водной сверхдержавой, и канадцы знали это и вели себя соответственно — надменно, как и положено тем, у кого есть то, что всем остальным только снится. Майкл видел канадских инженеров на конференции в сорок восьмом, еще до того как конференции отменили за ненадобность, и они были сытые и чистые и пахли пресной водой, как будто пили ее литрами и еще оставалось на то чтобы мыться. Майкл тогда подумал, что если бы у него была дочь в Канаде, у нее были бы все зубы и она не кашляла бы кровью. Но это была бесполезная мысль, и он выбросил ее из головы почти сразу.

Он взял с полки сумку с инструментами, проверил содержимое. Гаечные ключи, мультиметр, запасные предохранители, рулон изолянта. Изолянта была плохая, китайская, купленная до того как Китай закрыл границы, она не держала и отклеивалась через день, но другой не было. Китай теперь был закрытой страной, они построили опреснительные заводы по всему побережью и ушли в изоляцию, и никто не знал, что там происходит, кроме того что они воюют с Индией за Тибетские ледники. Ледники таяли, но все еще давали воду, и этого было достаточно, чтобы убивать друг друга. Индия бомбила китайские трубопроводы, Китай бомбил индийские водохранилища, и где-то в Гималаях гибли люди, которые никогда не видели океана и не понимали, почему вода, которая падает с неба в виде снега, вдруг стала причиной войны. Майкл понимал. Он понимал про воду больше, чем хотел бы. Он знал давление в мембранах, осмотический градиент, соленость исходного раствора, температуру кристаллизации и еще три десятка параметров, которые нужно было держать в голове каждую смену, чтобы станция не встала. Если станция встанет — Сан-Диего умрет за три дня. Три дня — это стандартный запас в городских резервуарах, и он не менялся с двадцать первого года, когда начались первые перебои.

Он закрыл сарай, повесил замок, проверил, хорошо ли заперто. Воровали все и всё. У него украли садовый шланг в прошлом месяце, просто срезали с крана, пока он был на работе. Шланг был дырявый и годился только на то чтобы поливать чахлые помидоры, которые Сара пыталась выращивать на заднем дворе. Помидоры все равно сдохли от соленой воды, но шланг украли, и Майкл потом нашел его на рынке, продавали за пять баксов. Он не стал выкупать, не было смысла, воровать будут снова. Он просто купил ведро и стал носить воду для полива

в ведре, тратя на это двадцать минут каждое утро. Потом помидоры сдохли окончательно, и он перестал.

В доме зажегся свет. Сара встала и включила плитку, чтобы подогреть воду для Лейлы. Майкл услышал, как она кашляет — глухо, надсадно, с булькающим звуком в конце, который означал, что в легких опять жидкость. Она не говорила ему об этом, но он знал. Он знал все звуки этого дома, все скрипы половиц, все шорохи в стенах, где жили крысы, все вздохи жены и дочери. Он знал этот дом как знал свою станцию — по памяти, по запаху, по вибрации пола под ногами. Когда на станции что-то шло не так, он чувствовал это раньше, чем срабатывали датчики. И когда дома что-то шло не так, он чувствовал это тоже.

Он вернулся в дом. Сара стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Каша из кукурузной крупы, которую выдавали по талонам. Кукуруза была генетически модифицирована, устойчива к засухе, но все равно росла плохо, потому что засуха была такая, какой не видели даже модифицированные гены. Поля в Центральной долине стояли коричневые, треснувшие, как кожа на пятках старика. Фермеры уезжали на восток, в Техас, где еще были скважины, или на север, в Орегон, где дожди пока что шли. Пока что. Это «пока что» висело над всеми, дамоклов меч, который опускался медленно, но неумолимо, и никто не знал, когда он упадет окончательно.

— Кофе будешь? — спросил он.

— Нет. — Она не обернулась. — Не хочу.

— Надо пить.

— Я пила вчера.

— Это было вчера.

Она повернулась. Лицо у нее было серое, с желтизной вокруг глаз, и Майкл подумал, что ей нужен врач, но врачи теперь принимали только по водным талонам, а водные талоны были нужны чтобы пить. Получался замкнутый круг, из которого не было выхода. Можно было продать термос с технической водой, но это было нарушением, за которое увольняли со станции без права восстановления, а без работы он был никто, и вся семья умерла бы за неделю. Так что он просто смотрел на жену и запоминал ее лицо, как будто видел в последний раз. Он делал так каждое утро, с тех пор как врач сказал про легкие.

— Я возьму термос для Лейлы, — сказал он.

— Она спит.

— Разбуди ее через час. Пусть выпьет все, до дна.

— Она говорит, что вода горькая.

— Это мембраны. Я почищу их сегодня.

— Ты говорил это в прошлую смену.

— Сегодня почищу. Обещаю.

Он врал. Мембраны нужно было менять, а не чистить, но новых мембран не было уже полгода, а те что были выработали ресурс на сто сорок процентов и держались на честном слове и на изоленте. Если мембрана порвется, станция встанет, и тогда начнется ад. Но это будет потом, а сейчас нужно было выпить кофе, попрощаться с женой и идти на станцию, потому что смена начиналась в шесть, а опаздывать было нельзя. За опоздание вычитали воду из пайка.

Лейла проснулась сама. Он услышал ее шаги в коридоре — легкие, неровные, она всегда приволакивала правую ногу, последствие рахита. Рахит был у половины детей в их районе, и врачи говорили, что это от нехватки витамина D, но Майкл знал, что это от воды. Все было от воды. Вода была причиной всего — жизни и смерти, здоровья и болезни, богатства и нищеты. Вода была тем, о чем он думал каждую минуту своей жизни, и тем, о чем он старался не думать, потому что если думать об этом слишком много, можно сойти с ума. Некоторые сходили. Он видел их на улицах — они стояли у распределительных пунктов и кричали, что вода отравлена, что правительство травит их специально, чтобы сократить население. Их увозили санитары, и

больше их никто не видел. Может, их лечили, может, просто вывозили в пустыню и оставляли там. Никто не знал, а те кто знал — молчали.

— Пап.

— Что, малыш?

— Я пить хочу.

— Сейчас.

Он налил в кружку воду из термоса, ту что принес для нее. Лейла взяла кружку обеими руками и стала пить, маленькими глотками, как он учил. Не спеши. Растягивай. Если пить быстро, организм не успевает усвоить, и вода выходит с мочой, а моча — это тоже вода, и ее терять нельзя. Они жили в мире, где каждая капля была на счету, где облака были врагами, потому что они пролетали мимо и не проливались дождем, где реки были воспоминанием, где озера были фотографиями в старых учебниках географии. Лейла никогда не видела озера. Она родилась в сорок пятом, когда Великие озера уже высохли до состояния луж, а то что осталось было огорожено колючей проволокой и охранялось национальной гвардией. Она не знала, что такое плыть в лодке, что такое нырнуть с головой, что такое открыть рот под дождем и ловить капли языком. Она знала только вкус металла из опреснителя и вкус соли, которая была везде.

Она допила. На дне кружки осталось немного, буквально полглотка. Она посмотрела на Майкла.

— Допивай, — сказал он. — Все до капли.

Она допила. Потом улыбнулась, и он увидел дырку на месте переднего зуба, четвертого по счету. Десна была красная, воспаленная, и он знал, что там болит, но она не жаловалась. Она вообще редко жаловалась, и это пугало его больше, чем если бы она плакала каждый день. Ребенок, который не жалуется — это ребенок, который привык к тому, что жаловаться бесполезно. В восемь лет. В восемь лет она уже понимала то, что многие взрослые отказывались понимать до самой смерти.

— Мне пора, — сказал он.

— Ты вечером придешь?

— Приду.

— Ты вчера тоже говорил, что придешь, а пришел когда я уже спала.

— Сегодня приду раньше. Обещаю.

Он поцеловал ее в макушку. Волосы под платком были редкие, жесткие, как старая мочалка. Она пахла солью, как и все в этом доме, как и все в этом городе, как и все на этом побережье, которое медленно умирало, само того не замечая. Люди привыкают ко всему. Это их главная сила и главная слабость. Привычка убивает быстрее, чем пуля.

Он взял сумку и вышел. Улица была пустая, только соседская собака лежала в пыли и тяжело дышала, высунув язык. Собака была старая, помесь питбуля с кем-то, она жила здесь с незапамятных времен и пережила уже трех хозяев. Последний хозяин умер в апреле от дизентерии, и собака осталась без присмотра, но ее подкармливали всей улицей, по крошке, по капле воды, потому что собака была живая, а живое нужно было беречь. Живого оставалось мало. В новостях говорили, что население Калифорнии сократилось на сорок процентов с сорокового года, и Майкл верил этому, потому что видел пустые дома и заколоченные окна и машины, которые стояли на обочинах и зарастали колючкой, потому что их некому было забрать. Люди уезжали на север, в Орегон и Вашингтон, где еще были реки, или на восток, к Великим озерам, которые на самом деле не совсем высохли а превратились в цепочку соленых луж, но об этом молчали. Правительство говорило, что программа восстановления водных ресурсов идет по плану, что скоро запустят новые опреснительные заводы, что нужно просто потерпеть еще немного. Это «немного» длилось уже десять лет.

Он шел по улице, и пыль скрипела под ботинками. Ботинки были старые, армейского образца, купленные на рынке за литр воды. Подошва почти стерлась, но другой обуви не было,

и он носил их второй год, подкладывая картон в дыры. Картон был от коробок из-под сухих пайков, которые выдавали на станции раз в месяц. Сухие пайки были отвратительные на вкус, прессованный белок с витаминными добавками, но это была еда, и она не требовала воды для приготовления, и это было главное. Вода была нужна чтобы пить, а не чтобы готовить. Готовили на пару, в скороварках, которые экономили воду, или просто ели сухой паек, запивая глотком из термоса. Майкл помнил времена, когда люди варили макароны в пятилитровых кастрюлях и сливали воду в раковину, не задумываясь. Теперь это казалось ему святотатством, чем-то из области фантастики, вроде полетов на Марс или работающих демократических институтов.

На перекрестке стоял блокпост. Двое военных в камуфляже и с автоматами, молодые парни с потрескавшимися губами и красными глазами. Они проверяли документы у всех, кто шел в сторону станции. Майкл показал пропуск, парень вяло кивнул и махнул рукой — проходи. Проверка была формальностью, на станцию все равно не прошел бы посторонний, там был еще один пост, серьезнее, с рамкой металлодетектора и газоанализатором. После теракта в сорок девятом, когда какие-то фанатики взорвали опреснительный завод в Лонг-Бич, безопасность усилили. Фанатиков так и не нашли, говорили что это были то ли мексиканцы, то ли канадские диверсанты, то ли просто сумасшедшие, которые хотели чтобы все умерли. Завод в Лонг-Бич так и не восстановили, он стоял до сих пор, ржавый остов на берегу, и чайки вили гнезда в трубах, по которым раньше текла вода.

Станция «Сан-Онофре» находилась в четырех километрах от берега, соединенная с океаном системой водозаборных труб. Трубы эти постоянно забивались водорослями и медузами, и чистить их приходилось вручную, спуская водолазов. Водолазы получали тройной водный паек и умирали в среднем через два года работы от сердечной недостаточности, вызванной перепадами давления, но желающих все равно хватало. Тройной паек означал что твоя семья не умрет от жажды, и ради этого люди готовы были на все, даже на смерть. Майкл сам работал водолазом в сорок седьмом, пока не заработал баротравму и его не списали в наземный персонал. Он помнил зеленую толщу воды, которая давила на барабанные перепонки, помнил холод, который проникал под гидрокостюм, помнил скользкие стенки труб, покрытые ракушками, которые срезали кожу даже через перчатки. Это была плохая работа, но она давала воду, а вода была всем.

Он подошел к проходной. Охранник, лысый толстяк по имени Джек, которого Майкл знал еще со школы, кивнул ему.

— Здорово, Майк.

— Здорово.

— Слыхал новость?

— Какую?

— Мексиканцы опять лезут. Вчера на границе перестрелка была, двоих наших убили.

— Где?

— У Калексико. Они трубопровод хотели подорвать, тот что из Юмы воду гонит.

— В Юме нет воды.

— Есть, говорят. Где-то глубоко. Скважина новая, засекреченная.

Майкл ничего не ответил. Слухи о секретных скважинах ходили постоянно. Говорили что под пустыней Мохаве целое море пресной воды, что правительство знает о нем но молчит, чтобы не провоцировать Мексику, у которой своих запасов не было вообще. Говорили что есть карты, схемы, координаты. Говорили что кто-то видел эти карты и заплатился за это. Говорили много чего, но правды не знал никто. Или знали, но молчали. Или говорили, но им не верили. В этом мире правда была такой же дефицитной, как вода, и стоила примерно столько же.

Он прошел через рамку, приложил пропуск к сканеру, подождал пока загорится зеленый. Потом пошел по бетонной дорожке к главному корпусу, мимо резервуаров-отстойников, в которых соленая вода отстаивалась перед подачей на мембраны. Резервуары были огромные,

как футбольные поля, и вода в них была зеленая от водорослей и пахла тухлыми яйцами. Чайки сидели на бортиках и смотрели на людей, которые шли на работу, чтобы делать воду из этой зеленой жижи. Чайкам было все равно, они пили соленую воду и не болели, потому что у них были специальные железы, которые отфильтровывали соль. Майкл иногда завидовал чайкам.

У входа в цех стояла цистерна с питьевой водой для персонала. Каждому работнику полагалось пол-литра в начале смены и пол-литра в конце. Майкл подошел, набрал свою порцию в пластиковую бутылку, выпил сразу, пока вода была прохладная. Вода была настоящая, с минералами, из стратегического запаса, который хранился в подземном резервуаре под станцией. Говорили что этого запаса хватит на год, если станция встанет, но Майкл знал, что это неправда. Запаса хватило бы на месяц максимум, при условии что его будут тратить только работники. Если начнут раздавать городу — на три дня. Но всем говорить об этом было нельзя, и он молчал, как молчали все, кто знал правду. Правда была опаснее лжи. Ложь успокаивала, правда убивала надежду, а без надежды люди переставали работать, переставали бороться, ложились и умирали. А умирать было нельзя, потому что кто-то должен был чинить мембраны и следить за давлением и делать воду, от которой выпадают зубы но которая хотя бы не убивает сразу.

Он вошел в цех. Гул стоял такой, что закладывало уши. Насосы качали воду через фильтры предварительной очистки, манометры дрожали на предельных отметках, где-то в глубине цеха что-то скрежетало и стучало. Майкл повесил сумку в шкафчик, надел каску, проверил рацию. Смена начиналась.

Он проработал на станции шестнадцать лет, с тридцать седьмого года, когда она только открылась. Тогда это был передовой проект, гордость Калифорнии, символ того, что человечество может справиться с водным кризисом с помощью технологий. Теперь это был просто завод, который еле держался на плаву, потому что запчасти не поставлялись, специалисты уезжали, а те кто оставались работали за водный паек и за надежду что завтра будет лучше, чем сегодня. Завтра никогда не было лучше. Завтра всегда было хуже или такое же, и они привыкли и к этому тоже.

Он прошел вдоль ряда мембранных модулей. Каждый модуль был размером с железнодорожную цистерну, внутри — тысячи тонких трубок, через которые под давлением продавливали соленую воду, оставляя соль снаружи а чистую воду — внутри. Теоретически. На практике мембраны были изношены, и часть соли проходила в готовый продукт, делая воду солоноватой и вредной для почек. Почки у людей отказывали одна за другой, диализ стоил целое состояние, и очереди на диализ были длиннее, чем очереди за водой. Люди умирали от почечной недостаточности, и это называли «синдромом Сан-Онофре», по имени станции, и Майкл знал что это его рук дело, вернее его мембран, которые он не может починить, потому что нет запчастей. Он не чувствовал вины. Вина была роскошью, доступной только тем, у кого было достаточно воды чтобы плакать.

Он проверил показания датчиков. Давление на входе — семьдесят атмосфер, на выходе — атмосферное, как и положено. Степень опреснения — девяносто восемь и семь десятых процента, ниже нормы на полпроцента. Полпроцента — это много, это значит что в каждом литре воды содержится триста миллиграммов соли, а допустимая норма — двести. Но допуски давно пересмотрели, и нормой считалось все, что не убивает сразу. Сразу не убивало. Убивало постепенно, год за годом, почка за почкой, зуб за зубом. Но это никого не волновало, потому что альтернативой была смерть от жажды за три дня, а три дня — это меньше, чем год, и люди выбирали год.

Он обошел модули, отмечая в журнале показания. Журнал был бумажный, потому что электронная система учета сломалась в прошлом году, а починить ее было некому — программист уехал в Канаду по программе привлечения специалистов. Канада переманивала к себе всех, у кого были мозги и диплом, обещая нормированный водный паек, медицинскую стра-

ховку и даже отдельную квартиру с душем. Душ был главным аргументом. Люди продавали все что имели за возможность раз в день стоять под струей пресной воды и чувствовать как она смывает соль с кожи. Майкл понимал их. Он сам когда-то думал уехать, заполнил анкету, даже прошел собеседование по видеосвязи, но потом Сара заболела, и канадцы отказали по медицинским показаниям. Им не нужны были больные, им нужны были здоровые специалисты, которые смогут работать по двадцать лет без перерыва. Майкл не винил их. Бизнес есть бизнес, а вода есть вода.

К полудню температура в цехе поднялась до сорока пяти. Вентиляция не справлялась, кондиционеры сдохли еще в сорок восьмом, и рабочие ходили мокрые от пота, теряя воду, которую потом восполняли из фонтанчика. Фонтанчик работал с перебоями, потому что насос перегревался, и механик по имени Рико каждые полчаса поливал его водой чтобы охладить. Это было идиотизмом — тратить воду на охлаждение насоса который качает воду — но другого способа не было, а без насоса не было бы воды вообще. Идиотизм был нормой, как и многое другое.

В обеденный перерыв он сел в углу цеха, на перевернутом ящике, и достал свой паек. Два галета из кукурузной муки, полоска вяленого мяса, таблетка витаминов. Он съел все медленно, запивая водой из бутылки, которую набрал утром. Вода была теплая и отдавала пластиком, но это была вода, и он был благодарен ей. Благодарность воде была еще одной вещью, которой он научился за эти годы. Раньше он не думал о воде, когда пил ее. Теперь он думал о ней постоянно. Каждый глоток был подарком. Каждый литр — чудом. Каждая капля — драгоценностью, которую нельзя тратить впустую. Мир перевернулся, и вода стала тем, чем раньше была нефть, а нефть стала никому не нужна, потому что машин почти не осталось, а те что остались ездили на электричестве от солнечных батарей. Солнце было единственным, чего в Калифорнии было в избытке. Солнце и соль.

После обеда он пошел в отсек предварительной очистки. Там было еще жарче, потому что трубы с горячей водой проходили прямо под потолком, и изоляция на них давно рассыпалась. Он проверил фильтры грубой очистки — три из шести были забиты илом и требовали замены. Запасных фильтров не было, и он просто переключил поток на резервную линию, хотя резервная линия тоже была на последнем издыхании. Он делал так каждый день, латал дыры заплатками, которые держались до поры до времени, и молился чтобы ничего не рвануло в его смену. Если рванет — он не сможет ничего сделать. Никто не сможет. Станция была старым зверем, который умирал от ран, но пока что дышал и давал воду, и это было главное.

В четыре часа он почувствовал вибрацию. Сначала слабую, как будто где-то далеко проехал грузовик. Потом сильнее. Пол под ногами задрожал, и он понял — насос номер четыре. Насос номер четыре был проблемным уже месяц, подшипники рассыпались, а заменить их было нечем. Он побежал в насосный отсек, крикнув Рико по рации. Рико уже был там, пытался затянуть какой-то болт, но было поздно. Насос взвыл, как раненный зверь, и встал. Гул стих, и в наступившей тишине было слышно только шипение пара где-то в трубах и далекий крик чаек.

— Четвертый, — сказал Рико. — Все.

— Запускай пятый.

— Пятый не тянет. Перегреется через час.

— Запускай пятый, — повторил Майкл. — Другого нет.

— Если он тоже встанет, мы вообще без воды.

— Если мы не запустим пятый, мы без воды уже сейчас.

Рико посмотрел на него, потом на насос, потом сплюнул на пол и пошел запускать пятый. Майкл стоял и смотрел на мертвый четвертый насос, и думал о том сколько еще продержится станция. Месяц, может два. Дальше — неизвестность. Дальше — то, о чем он старался не думать, потому что если думать об этом, можно перестать спать по ночам, а сон был нужен чтобы работать. Цикл замыкался снова.

К концу смены он устал так, что еле стоял на ногах. В голове шумело от обезвоживания и от гула насосов, который не стихал даже в тишине. Он набрал свою вечернюю порцию воды у цистерны, выпил половину, остальное вылил в термос — для Сары и Лейлы. Потом отметился у мастера, сдал журнал, получил талоны на завтрашний паек и пошел домой.

Солнце садилось, и небо на западе было красное от пыли, поднятой ветром. Где-то далеко, за горами, гремел гром, но дождя не было. Гром без дождя — обычное дело в этой части Калифорнии, сухие грозы, которые поджигали леса, и леса горели неделями, и никто не тушил их, потому что воду нельзя было тратить на пожары. Леса сгорели почти все еще в сорок четвертом, остались только чахлые кустарники, которые тоже горели, но уже никому не было до них дела.

Он шел по улице, мимо тех же пустых домов, мимо той же собаки, которая теперь спала, свернувшись клубком в пыли. В окнах горел свет — керосиновые лампы и свечи, электричество вечером не давали, вечерний промежуток был с восьми до десяти, и люди ждали его чтобы включить плитки и приготовить ужин. Ужин был такой же как завтрак — каша из кукурузной крупы, иногда с добавлением рыбных консервов, если удавалось купить их на рынке. Рыба была еще жива в океане, но ловить ее стало опасно — мексиканские патрули обстреливали калифорнийские лодки, а калифорнийские патрули обстреливали мексиканские. Война шла уже давно, просто ее не объявляли официально. Официальная война означала бы перекрытие границ, а границы были нужны чтобы возить воду из Орегона, и поэтому все делали вид что войны нет. Как и многое другое, чего не было.

Дома его ждала Сара. Она сидела за столом, перед ней стояла кружка с недопитым чаем. Чай был из травы, которую она собирала во дворе, горький и невкусный. Она посмотрела на Майкла, и он увидел что ей хуже. Губы были синие, под глазами — черные круги, дыхание свистящее и частое. Врач нужен был вчера, но врач стоил денег или воды, а ни того ни другого не было.

— Я принес, — сказал он и поставил термос на стол.

— Спасибо.

— Где Лейла?

— Спит. Она ждала тебя, но уснула.

— Я обещал прийти раньше. Насос сломался.

— Починил?

— Запустили резервный.

Он сел напротив нее. Взял ее руку — холодную, влажную, с синими ногтями. Пульс был частый и слабый, как крылья мотылька. Он держал ее руку и думал о том что будет делать когда ее не станет. План был простой — продолжать работать, продолжать носить воду, продолжать растить Лейлу. План был идиотский, потому что без Сары он не справится, но другого плана не было. Жизнь не спрашивала разрешения, она просто происходила, нравилось тебе это или нет.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она. — Ты всегда говоришь это когда думаешь что я умру.

— Я всегда так думаю.

— Я пока не умираю. Просто устала.

— Отдохни.

— Отдохну.

Она закрыла глаза, и он сидел так, держа ее за руку, пока на улице не стемнело окончательно. Потом включился свет — вечерний промежуток, два часа электричества. Сара встала, чтобы приготовить ужин, и он слышал как она кашляет на кухне, кашляет и кашляет, и этот звук был как метроном, отсчитывающий время, которое у них оставалось.

Он лег спать в десять, когда электричество выключили. Лейла спала в своей комнате, дышала через рот, потому что нос был заложен солью. Сара легла рядом с ним, прижалась

спиной, и он обнял ее, чувствуя как хрупки ее кости под кожей. Кальций вымывался не только у детей, взрослые тоже теряли его, просто медленнее. Она стала легче за последний год, килограммов на десять, и он мог поднять ее одной рукой если бы захотел. Но он не хотел. Он хотел чтобы она осталась, но знал что этого не будет.

Ночью ему приснилась вода. Ему часто снилась вода — реки, озера, водопады, дождь, который льет с неба сплошной стеной. В этом сне он стоял под дождем и ловил капли ртом, и вода была сладкая, как в детстве, когда он пил из садового шланга на заднем дворе родительского дома. Дом сгорел в пожаре сорок третьего, родители умерли год спустя от холеры, которую завезли беженцы из Мексики. Холера была забытой болезнью, она вернулась вместе с грязной водой, и никто не знал как ее лечить, потому что антибиотики перестали работать еще в тридцатых. Люди умирали от поноса, теряя последнюю воду, и это была страшная смерть, может быть самая страшная из всех.

Он проснулся в четыре утра, как всегда. Жара еще не началась, но воздух уже пах гарью и солью. Сара спала, дыша со свистом. Он лежал на спине и смотрел в потолок, на котором проступали ржавые разводы. Ничего не изменилось. Все было так же, как вчера, как позавчера, как год назад. И завтра будет так же. И послезавтра. Пока однажды что-нибудь не сломается окончательно, и тогда станет по-другому, но лучше не станет. Лучше уже не будет никогда. Будет только хуже, хуже, хуже — долгое падение в бездну, которое началось задолго до него и закончится не при нем. Может, его дочь увидит дно. Может, нет. Этого он не знал, и знать не хотел.

Он встал и пошел на кухню, чтобы сварить кофе. Вода в кране не текла. Он вспомнил — насос номер четыре сломался вчера, и резервный не справлялся. Значит, сегодня город получит меньше воды. Меньше воды — больше смертей. Все просто. Он насыпал в кружку порошок, залил водой из термоса, который принес вчера. Вода была теплая и пахла пластиком. Он сделал глоток. Соль на губах, соль на зубах, соль во рту. Соленая вода.

СТАНЦИЯ

Станция «Сан-Онофре» стояла на берегу, как бетонный зверь, который выполз из океана и заснул, не дойдя до суши. Ее построили в тридцать шестом, когда еще верили, что технологии спасут мир. Архитектор, чье имя теперь никто не помнил, спроектировал ее в форме волны — изогнутые линии фасада, серебристые панели, которые должны были блестеть на солнце. Теперь панели потускнели и покрылись соляными разводами, похожими на лишайник, а волна больше напоминала сломанный хребет. Чайки сидели на крыше главного корпуса и гадили на вентиляционные решетки, и никто не счищал помет, потому что лестница на крышу проржавела и карабкаться туда было опасно. Один рабочий сломал ногу в прошлом году, упал с пятнадцатиметровой высоты, и его списали без выходного пособия — технику безопасности он нарушил сам, никто его на крышу не посылал. Он просто хотел почистить решетки, чтобы вентиляция работала лучше. Хорошие намерения убивали людей так же верно, как пули.

Майкл пришел на станцию затемно, за час до начала смены. Он всегда приходил рано, еще с тех пор как мастером был старик Гонсалес, который умер в сорок шестом от сердечного приступа прямо у пульта управления. Гонсалес был хорошим инженером, одним из тех, кто запускал станцию в тридцать шестом, и он знал каждый болт, каждую прокладку, каждый изгиб труб. Когда он умер, его знания умерли вместе с ним, потому что документация велась из рук вон плохо, а чертежи давно съели термиты в архиве. Архив находился в подвале, который затапливало каждый раз когда насосы давали сбой, а это случалось часто. Бумага превратилась в плесень, и теперь станция работала на интуиции и мышечной памяти старых работников, которые помнили, как оно было при Гонсалесе. Майкл был одним из них. Он помнил все, что старик говорил ему за те шесть лет, что они проработали вместе. Помнил его голос, хриплый и низкий, помнил его привычку стучать гаечным ключом по трубам, слушая отклик, как врач слушает легкие пациента. «Труба должна петь, — говорил Гонсалес. — Если она звенит как колокол, все в порядке. Если глухо — жди беды». Майкл до сих пор стучал по трубам, когда обходил станцию, хотя понимал, что это суеверие и что современные датчики дают больше информации, чем любой ключ. Но датчики ввали в тридцати процентах случаев, потому что калибровку не проводили с сорок девятого, а слух у Майкла был хороший, не то что у молодых, которые выросли на опресненной воде и слышали хуже, чем старики.

Он прошел через проходную, где ночной охранник, молодой парень по имени Томми, дремал в кресле, положив ноги на стол. Томми был сыном рыбака, который умер в море, когда мексиканский патруль обстрелял его лодку. Это случилось в пятидесятом, тело так и не нашли, и мать Томми до сих пор ждала, что муж вернется, хотя все понимали — рыбу в том районе съели за сутки, и кости осели на дно, где их занесло илом. Томми не мстил мексиканцам, он вообще никому не мстил, он просто работал охранником и спал на посту, потому что бояться было нечего — никто не стал бы нападать на опреснительную станцию, разве что самоубийцы. Вода была нужна всем, даже врагам. Если бы мексиканцы взорвали «Сан-Онофре», Сан-Диего умер бы за три дня, но и мексиканская Тихуана умерла бы за неделю, потому что ветер понес бы соль и химикаты на юг, и это убило бы все живое на сотни километров. Взаимное гарантированное уничтожение, только вместо ядерных боеголовок — вода. Или ее отсутствие.

В цехе было прохладно, ночная смена не включала обогрев, экономя электричество. Майкл надел рабочую куртку, старую синюю вещь с выцветшим логотипом «Сан-Онофре» на спине, и пошел вдоль линии мембранных модулей. Ночью случилась авария — модуль номер семь дал течь, и соленая вода залила пол в третьем отсеке. Ночная смена, трое мужиков под командой инженера по имени Гарсия, кое-как залатала дыру эпоксидкой, но это было временное решение. Эпоксидка стоила дорого, ее воровали со склада и продавали на черном рынке, и того тюбика что остался хватило на заплатку размером с ладонь. Майкл осмотрел заплатку,

постучал по ней ключом. Звук был глухой, неправильный. Он знал, что заплатка продержится дня три, может, четыре, а потом лопнет, и тогда придется останавливать весь модуль, а это — минус пять процентов мощности. Пять процентов мощности означали пять тысяч человек, которые не получают свою норму. Пять тысяч человек, которые будут стоять в очередях на четыре часа дольше, а потом разойдутся по домам с пустыми канистрами и будут пить соленую воду из луж, и заболеют холерой, и умрут, и их смерть будет на совести Майкла, потому что он не смог починить модуль номер семь. Но совесть была роскошью, и он отогнал эту мысль и пошел дальше.

У пульта управления сидел Гарсия, пил что-то из термокружки и смотрел на мониторы. Мониторы показывали давление, температуру, соленость, расход. Половина датчиков не работала и показывала нули, но Гарсия не обращал внимания, он знал, что нули — это не авария, а просто отказ электроники. Если бы случилась настоящая авария, сирена завывала бы сама, без всяких датчиков, просто от замыкания в аварийной цепи. Аварийная цепь была сделана на совесть, еще при Гонсалесе, и работала как часы. Все остальное работало как испорченные часы — то опаздывало, то спешило, то вставало совсем.

— Здорово, Майк, — сказал Гарсия, не оборачиваясь.

— Здорово. Как седьмой?

— Держится. Я уменьшил давление на входе на десять процентов, чтобы не рвало заплатку.

— Надолго хватит?

— Дня на три, если повезет.

— А если нет?

— Тогда сегодня. Но я помолился.

Гарсия был католиком, как и большинство мексиканцев в Сан-Диего. Он ходил в церковь каждое воскресенье, хотя церковь теперь была в подвале старого торгового центра, и святую воду там заменяли опресненной, которую батюшка освящал молитвой. Бог, кажется, не возражал. По крайней мере, молнии не били в церковь, и люди продолжали верить, что все это — испытание, которое нужно перетерпеть. Майкл не верил в Бога с тех пор как умер Гонсалес. Он не то чтобы стал атеистом, просто перестал думать об этом. Если Бог есть, думал он, то у Него странное чувство юмора. Создать мир, полный воды, а потом забрать ее у тех, кто в ней нуждается. Сделать океаны солеными, а реки пересохшими. Дать людям разум, чтобы они придумали опреснение, а потом сделать так, чтобы опресненная вода убивала их медленно. Это было не испытание, это было издевательство.

Он принял смену, расписался в журнале, проверил показания насосов. Пятый насос, который запустили вместо четвертого, гудел ровно, но температура у него была выше нормы на восемь градусов. Майкл записал это в журнал и поставил пометку — проверить подшипники при следующем останове. Следующий останов был запланирован через месяц, но он знал, что никакого останова не будет, потому что останавливать станцию было нельзя. Они работали без профилактики уже третий год, просто латали дыры и молились, как Гарсия. И станция пока держалась, как старый боксер, который пропускает удар за ударом, но не падает, потому что забыл как падать.

В восемь утра пришла дневная смена. Двадцать человек — операторы, механики, электрики, лаборанты. Из двадцати только пятеро были старожилками, остальные — новички, которые пришли после сорок девятого, когда станцию расширили и запустили вторую очередь. Новички были молодые, некоторые даже с дипломами, но они не понимали станцию так, как понимали ее старые работники. Они смотрели на приборы и верили цифрам. Майкл смотрел на трубы и слушал их дыхание. Цифры могли врать, трубы — нет. Труба не могла притвориться, что она целая, если внутри трещина. Она все равно звенела по-другому, и нужно было только услышать это.

Он собрал бригаду в комнате отдыха, бывшей столовой, где теперь стояли только пластиковые стулья и автомат с водой, который не работал. На стене висел плакат времен постройки станции — улыбающаяся женщина пьет воду из стакана, и надпись внизу: «Опреснение — наше будущее!» Буквы выцвели, женщина казалась призраком из другой эпохи, но плакат не снимали, потому что ни у кого не поднималась рука. Может, из уважения к прошлому. Может, просто из лени.

— Значит так, — сказал Майкл, когда все расселись. — Седьмой модуль течет, заплатка стоит, но я не знаю на сколько. Пятый насос греется, подшипники, наверное, менять надо. Запасных подшипников у нас нет, так что если встанет — будем думать. Фильтры грубой очистки забиты, резервная линия тоже еле дышит. Вопросы есть?

Вопросов не было. Все всё понимали. Понимали, что станция умирает, что запчастей нет, что помощи ждать неоткуда. Понимали и все равно приходили на смену, потому что дома ждали жены и дети, которым нужна была вода. Героизм — это когда ты делаешь свою работу, зная что она бессмысленна. Героизм — это не подвиг, а привычка.

Молодой парень, электрик по имени Стивен, поднял руку.

— Я вчера смотрел схему электроснабжения. У нас резервный генератор не в порядке, топливный насос сдох. Если основная линия ляжет, мы встанем.

— Топливный насос можно починить?

— Можно, но нужны запчасти. Я заказал их в Лос-Анджелесе месяц назад, ничего не пришло.

— Лос-Анджелес сам сидит без воды, — сказал кто-то сзади. — У них станция в Хантингтон-Бич на ладан дышит, еще хуже нашей. Им не до нас.

Майкл кивнул. Лос-Анджелес умирал быстрее Сан-Диего. У них было больше людей, больше потребление, и станции были старше. Ходили слухи, что в некоторых районах воду давали раз в три дня, и люди дрались за места в очереди, и полиция стреляла в толпу. Слухи были страшные, но Майкл не знал, правда ли это. Связь между городами работала с перебоями, интернет был медленный и дорогой, новости приходили с опозданием в неделю. Мир сжимался до размеров района, до размеров станции, до размеров собственного двора. Все что было за пределами — туман, слухи, неизвестность.

После собрания он пошел в лабораторию. Лаборатория была маленькая комната в конце коридора, где лаборантка по имени Элис проверяла качество воды. Элис было двадцать шесть, она пришла на станцию два года назад, после того как ее отец умер от почечной недостаточности. У нее было узкое лицо, короткие светлые волосы и очки с треснувшим стеклом, которые она заклеила скотчем. Она была хорошим химиком, одним из лучших на станции, и Майкл доверял ее анализам больше, чем автоматическим датчикам.

— Что сегодня? — спросил он, входя.

— Плохо, — сказала она, не поднимая головы от микроскопа. — Соленость на выходе — триста двадцать миллиграммов. Вчера было триста.

— Мембраны.

— Мембраны, да. И еще что-то. Я нашла бактерии. Не те, что обычно, а новые. Они проходят через мембраны, как будто их нет.

Он подошел ближе. На предметном стекле под микроскопом кишели какие-то палочки, мелкие и быстрые. Элис добавила краситель, и палочки засветились зеленым.

— Это что?

— Не знаю. Похоже на псевдомонаду, но мутировавшую. Она выживает при осмотическом давлении, которое должно убивать все живое. Я отправила пробу в центр в Лос-Анджелес, но ответа нет уже месяц.

— Она опасна?

— Пока не знаю. Но если она размножается в готовой воде, то люди пьют ее уже несколько недель. И кто-то, возможно, уже умер от нее, а мы думаем что от обезвоживания или холеры.

Майкл посмотрел на светящиеся палочки и подумал о Саре. О ее кашле, о крови на платке, о синих ногтях. Может, это была не пневмония. Может, это было что-то новое, что-то что пришло из океана, из глубин, куда сбрасывали отходы опреснения — концентрированный рассол, который убивал рыбу и водоросли и создавал мертвые зоны размером с город. Рассол был горячий, тяжелый, он опускался на дно и полз по шельфу, как ядовитая река, и все живое на его пути погибало. Кроме бактерий. Бактерии мутировали, приспосабливались, выживали. И теперь возвращались обратно, через водозаборные трубы, через мембраны, через фильтры — прямо в стаканы людей.

— Что нам делать? — спросил он.

— Нужны новые мембраны. Или хотя бы реагенты для очистки старых. У нас кончились все. Последнюю партию израсходовали в марте.

— Реагенты заказаны?

— Заказаны. Но поставщик в Орегоне, а Орегон теперь требует предоплату водой. Мы не можем платить водой, у нас самих нет.

Это был замкнутый круг. Вода была нужна чтобы получить реагенты, а реагенты были нужны чтобы делать воду. И где-то в верхах, в департаменте водных ресурсов, сидели люди, которые распределяли бюджеты и подписывали контракты, и они не понимали, что станция умирает. Или понимали, но ничего не делали. Или делали, но недостаточно. Майкл перестал гадать. Он просто делал свою работу, день за днем, и ждал, когда круг разорвется. Он знал, что это случится. Знал, что однажды станция встанет, и тогда все закончится. Он надеялся только, что это случится не сегодня.

В полдень он вышел на улицу, чтобы проверить водозаборные трубы. Трубы уходили в океан на три километра, к глубоководному желобу, где вода была чище и холоднее. Но в последнее время водоросли поднялись ближе к поверхности, потому что глубины стали слишком солеными, и они забивали решетки водозабора каждый день. Майкл смотрел на океан — серый, беспокойный, с белыми барашками волн. Вода пахла тухлыми яйцами и еще чем-то химическим, что сбрасывал завод в Энсенаде, на мексиканской стороне. Мексиканцы не соблюдали экологические нормы, да и норм этих давно не существовало, каждая страна выжила как могла. Вонь стояла такая, что Майкл прикрыл нос платком.

У решеток работали двое водолазов — Рико и еще один парень, по имени Марко. Они только что поднялись с глубины и сидели на краю бетонного пирса, снимая гидрокостюмы. Лица у них были серые, усталые, руки тряслись от холода.

— Что там? — спросил Майкл.

— Дерьмо, — сказал Рико. — Водоросли выросли за ночь, слой сантиметров десять. Мы счистили сколько смогли, но нужен химический очиститель, а его нет.

— И медузы, — добавил Марко. — Целая стая, тысячи. Они лезут в трубы, их засасывает вместе с водой. Часть проходит через фильтры и погибает, но часть застревает. Я вытащил штук двадцать из решетки, они как сопли, скользкие, руки обжигают.

Майкл посмотрел на красные ожоги на руках Марко. Медузы были новым явлением, они пришли с юга, из тропических вод, которые теперь доходили до Калифорнии потому что океан нагрелся и течения сместились. Они были маленькие, с ноготь, почти прозрачные, но их стрекательные клетки содержали яд, который вызывал химические ожоги. Люди, которые купались в океане, покрывались волдырями и страдали от лихорадки. Но люди все равно купались, потому что жара стояла такая, что асфальт плавился, и океан был единственным способом охладиться, даже ценой ожогов.

— Ладно, — сказал Майкл. — Идите обедать. После обеда попробуем включить обратную промывку, может, смоем часть дряни.

— Обратная промывка жрет столько энергии, что нам свет отключат на час раньше, — сказал Рико.

— Лучше свет, чем вода.

Рико пожал плечами и пошел в сторону цеха. Марко задержался, глядя на океан.

— Слышал новость? — спросил он тихо.

— Какую?

— В Юме пробурили новую скважину. Триста метров. Вода — пресная, чистая, как слеза.

— В Юме нет воды. Все скважины пересохли еще в сороковом.

— Эта глубокая. Артезианская. Говорят, целое море под землей, от Невады до Соноры.

Говорят, его нашли случайно, когда искали нефть.

— Нефти там нет уже двадцать лет.

— Вот именно. Искали нефть, нашли воду. И теперь не знают что с ней делать.

Майкл посмотрел на Марко. Тот не шутил. Глаза у него были серьезные, и в них читался страх. Страх перед тем, что будет, если слухи подтвердятся. Если под пустыней действительно есть вода, это изменит все. Это изменит баланс сил, карту границ, судьбы миллионов людей. Те, у кого есть вода, не отдадут ее добровольно. А те, у кого ее нет, придут за ней с оружием. Война, которая уже шла на отдельных участках границы, станет тотальной. И тогда станция «Сан-Онофре» станет не нужна. И он сам станет не нужен. И все, чему он посвятил жизнь, окажется бесполезным хламом.

— Откуда знаешь? — спросил он.

— Брат жены работает в геологической службе. Вернее, работал. Его уволили неделю назад, без объяснения причин. Сказали — сокращение. Но перед этим он видел карты. Он не должен был их видеть, но увидел. И он сказал жене, а жена сказала моей жене, а моя жена сказала мне.

— Это слухи.

— Это не слухи, Майк. Это правда. И правительство знает. И молчит.

Майкл долго смотрел на океан. Волны накатывали на бетонный пирс, разбивались в пену, отступали. Океан был огромный, бесконечный, но его вода была мертвой. А где-то там, под песком и камнем, лежала живая вода, и она могла спасти их всех. Или убить.

— Не говори никому, — сказал он наконец.

— Я уже сказал тебе.

— Мне можно. Больше никому.

Марко кивнул и ушел. Майкл остался стоять на пирсе, чувствуя как соленые брызги оседают на лице. Соль была везде. Соль въелась в бетон, в металл, в кожу, в легкие. Соль была проклятием этого мира. И где-то под землей, всего в двухстах километрах отсюда, была пресная вода — чистая, холодная, живая. Он почти чувствовал ее вкус. Вкус детства, вкус жизни, вкус того что они потеряли и уже не надеялись найти.

Он вернулся в цех и проработал до вечера, проверяя модули, латая дыры, записывая показания в журнал. Руки делали привычную работу, а голова была занята другим. Он думал о скважине в пустыне, о картах, которые видел брат жены Марко, о правительстве, которое знает и молчит. Почему молчит? Ответ был очевиден: Мексика. Если мексиканцы узнают о скважине, они потребуют свою долю. Или просто вторгнутся и захватят ее. Граница проходила в нескольких километрах от Юмы, и мексиканские войска стояли вдоль нее уже два года, с тех пор как пересохла Рио-Гранде и лишила воды половину северной Мексики. Война была неизбежна, и правительство тянуло время, чтобы подготовиться. Или чтобы спрятать воду. Или чтобы продать ее тем, кто заплатит больше. Вариантов было много, и все они были плохие.

Вечером, когда смена закончилась, он пошел домой не сразу. Он зашел в бар — одно из немногих заведений, которые еще работали в их районе. Бар назывался «Сухой док» и располагался в подвале бывшей автомастерской. Там было темно, душно, пахло потом и кислым

пивом. Пиво было дорогое и невкусное, его варили из опресненной воды и какого-то сула, которое привозили контрабандой из Орегона. Но люди пили его, потому что алкоголь помогал забыться, а забыться хотелось всем.

Майкл сел за стойку, кивнул бармену, старому негру по имени Рой. Рой работал здесь с незапамятных времен, он помнил еще те дни, когда вода текла из крана и никто не думал о ней. Теперь он разливал пиво по кружкам и слушал разговоры, которые становились все мрачнее с каждым месяцем.

— Майк, — сказал Рой, ставя перед ним кружку. — Ты сегодня поздно.

— Задержался на станции. Насосы.

— У всех насосы. У меня вот тоже насос — сердце. Качает кровь через соль. Доктор сказал, еще пара лет, и все.

— Мы все умрем раньше.

— Это точно. Но пиво пока есть. Пей.

Майкл отхлебнул. Пиво было теплое, горькое, с металлическим привкусом. Привкус был от опресненной воды, от старых труб, от соли, которая проникала всюду. Но это было пиво, и оно немного расслабляло мышцы, которые за день задеревенели от напряжения. Он сидел и пил, и слушал разговоры вокруг.

За соседним столиком сидели двое рабочих с электростанции. Они говорили о том, что сеть не выдержит следующего лета, что трансформаторы горят один за другим, что запчастей нет и не будет. За другим столиком женщина в сером платке рассказывала подруге о том, что ее сына забрали в армию, отправили на границу, и она не получала от него вестей уже три месяца. «Может, он жив, — говорила она. — Может, просто писать нечем. У них там, говорят, даже бумаги нет». Подруга кивала и гладила ее по руке, и обе понимали, что это ложь. Если солдат не пишет три месяца, он мертв. Но вслух этого не говорили, потому что надежда была нужна, даже ложная.

В углу, в темноте, сидел человек в военной форме без знаков различия. Он пил воду, не пиво, и смотрел в одну точку перед собой. Майкл заметил его и подумал, что этот человек здесь не случайно. Военные редко заходили в гражданские бары, у них были свои, с лучшей выпивкой и чистой водой. Если военный сидел здесь, он чего-то ждал. Или кого-то.

Через полчаса в бар вошел еще один человек, в гражданском, но с военной выправкой. Он сел к первому военному, и они стали тихо разговаривать, наклонившись друг к другу. Майкл не слышал слов, но видел лица — напряженные, серьезные, без тени улыбки. Один из них достал из кармана сложенную бумагу, показал другому. Тот кивнул, спрятал бумагу и вышел. Первый военный допил воду, положил на стойку монету и тоже ушел. Монета была старинная, серебряная, с орлом. Такие монеты были в ходу только среди военных, они использовали их как внутреннюю валюту.

Майкл допил пиво и пошел домой. На улице было темно, фонари не горели, электричество экономили. Он шел по памяти, по трещинам в асфальте, по запаху соли, по шуму далекого прибора. В голове крутились мысли — о бактериях в воде, о медузах, о заплатке на седьмом модуле, о скважине в пустыне, о военных в баре. Все это складывалось в картинку, которую он не хотел видеть. Картинка была страшная. Она показывала будущее, в котором станция разрушена, город мертв, а его семья — Сара, Лейла — пьют соленую воду и умирают от жажды. И он ничего не может сделать. Просто инженер на умирающей станции, который не может починить даже собственный дом.

Дома было тихо. Сара спала, дыхание ее было тяжелым и неровным. Лейла ворочалась во сне и что-то бормотала. Майкл разделся, лег рядом с женой, обнял ее. Она была горячая, лоб в испарине, но он не стал будить ее. Пусть спит. Во сне нет соли. Во сне нет жажды. Во сне есть реки и озера, и дождь, который льет с неба, и можно пить его, пить бесконечно, и вода все не кончается.

Он закрыл глаза и попытался увидеть этот сон. Но вместо рек увидел карту — подземное море под пустыней Мохаве, голубое пятно на сером фоне. И границу, которая разрезает это море пополам. И цифры — запасы воды, которых хватит на сто лет. И военных, которые охраняют это море от тех, кто хочет его забрать. И себя, стоящего на пирсе, глядящего на солёный океан, который больше никому не нужен.

Он уснул только под утро. И ему приснилась война.

КОСТИ

У Лейлы выпал пятый зуб. Это случилось во вторник, когда Майкл был на станции. Она жевала кукурузную лепешку, черствую и твердую как подошва, и вдруг почувствовала, как что-то хрустнуло. Она подумала, что это камешек — в муку часто попадали камешки, потому что мельницы мололи всё подряд, вместе с песком и мелким гравием из пересохших русел. Но это был не камешек. Она выплюнула на ладонь крошево лепешки и увидела среди него белый осколок с красным у корня. Кровь наполнила рот быстро, как всегда, и потекла по подбородку, капая на стол, на котором стояла кружка с недопитой водой.

Сара была на кухне, она кипятила воду для утреннего чая. Услышав, как дочь всхлипла, она обернулась и увидела кровь. Кровь текла уже не в первый раз, и Сара знала, что делать — мокрое полотенце, холодная вода, таблетка коагулянта, если остались. Коагулянты стоили дорого, их продавали на черном рынке по цене трех литров воды за блистер. Последний блистер кончился в июне. Она просто прижала к десне Лейлы влажную тряпку и держала так минут десять, пока кровь не остановилась. Тряпка пропиталась красным, и Сара подумала, что красный цвет — это тоже вода, только соленая, смешанная с гемоглобином. Тело человека на семьдесят процентов состоит из воды. Когда воды не хватает, тело начинает пожирать само себя. Сначала зубы. Потом кости. Потом разум.

— Не бойся, — сказала она Лейле. — Вырастут новые.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Лейла посмотрела на мать. Глаза у нее были серые, как у отца, и такие же серьезные. В восемь лет она уже понимала, что взрослые врут. Они ввали про зубы, про воду, про то, что завтра будет лучше. Они ввали, потому что правда была слишком тяжелой, чтобы класть ее на плечи ребенка. Но дети чувствуют правду даже когда не слышат ее. Правда пахнет солью, и металлом, и страхом. Правда имеет вкус крови во рту.

— Я хочу пить, — сказала Лейла.

— Вода на столе.

— Она горькая.

— Другой нет.

Лейла взяла кружку и сделала глоток. Вода действительно была горькой — в этот раз сильнее обычного. Это значило, что мембраны на станции износились еще больше, и соль проходила через них почти свободно. Отец говорил, что почистит мембраны, но проходили дни, недели, а вода становилась только хуже. Лейла не винила его. Она знала, что он делает всё что может. Она видела, как он приходит домой — серый от усталости, с красными глазами, с руками, которые пахли машинным маслом и солью. Он садился за стол, выпивал свою порцию воды, съедал паек и ложился спать. Иногда он забывал поцеловать ее перед сном. Она не обижалась. Она понимала, что взрослые устают сильнее, чем дети. У детей устают только ноги, если долго стоять в очереди за водой. У взрослых устает душа.

Сара выбросила тряпку в ведро. Вода для стирки была слишком дорогой, ткань, пропитанную кровью, не отстирать, проще выбросить. Ведро стояло на заднем дворе, доверху набитое тряпками, бинтами, старыми газетами, которые использовали вместо туалетной бумаги. Мусор не вывозили уже год, с тех пор как городские службы сократили до минимума. Люди жгли отходы в бочках, и по вечерам над районом стоял едкий дым, от которого першило в горле и слезились глаза. Но это было терпимо. Много было терпимо.

В девять утра пришла Кармен, соседка. Она жила через два дома, в таком же бетонном кубе, построенном еще до Перелома, когда в Калифорнии был строительный бум и никто не думал, что эти дома станут склепами. Кармен было шестьдесят, она работала медсестрой в

госпитале Святого Иуды, который теперь был не госпиталем, а сортировочным пунктом для умирающих. Она видела смерть каждый день — столько смертей, что перестала их считать. Она говорила, что смерть — это тоже работа, просто другая смена. Утром ты помогаешь жить, вечером помогаешь умирать. Разницы почти нет.

— Я принесла, — сказала Кармен и поставила на стол банку рыбных консервов. — Сардины. Почти свежие. Мне дали в госпитале за сверхурочные.

Сара посмотрела на банку. Этикетка была на испанском, консервы мексиканские. Значит, контрабанда. Контрабанда шла через границу постоянно — мексиканцы везли рыбу, американцы везли воду, иногда наоборот. Война войной, а торговля торговлей. Бизнес не останавливался никогда.

— Спасибо, — сказала Сара. — У Лейлы зуб выпал.

— Пятый?

— Пятый.

— Плохо.

Кармен села за стол, не спрашивая разрешения. Она была своя, почти родня. Ее муж умер в сорок седьмом от дизентерии, сын пропал без вести на границе, дочь уехала в Канаду по рабочей визе и не писала уже два года. Кармен осталась одна, и она прибилась к семье Майкла, как старая кошка, которая ищет тепла. Она приносила еду, иногда лекарства, иногда просто сидела и молчала. Иногда молчание было нужнее еды.

— В госпитале новый вирус, — сказала она, глядя в окно. — Не холера, не тиф, что-то другое. Люди умирают за три дня. Сначала кашель, потом жар, потом отказывают почки. Мы не знаем что это. Вскрытие показывает, что ткани обезвожены, хотя пациенты пили. Вода просто не усваивается. Проходит через организм насквозь и выходит, не задерживаясь.

— Это из-за соли?

— Не знаю. Может, из-за бактерий, которых нашли в воде. Может, из-за того, что вода пустая и тянет минералы из клеток. Анализы не работают, реактивов нет. Мы просто смотрим, как они умирают, и записываем симптомы. Может, когда-нибудь кому-нибудь это пригодится.

Сара кашлянула в платок. На платке осталось красное пятно. Кармен посмотрела на пятно, но ничего не сказала. Что тут говорить? У всех был кашель. У всех была кровь. Просто у кого-то раньше, у кого-то позже. Это как часы с разным заводом — одни тикают дольше, другие останавливаются сразу. Пружина у всех одна — соль.

Лейла вышла во двор, села на перевернутое ведро и стала смотреть на небо. Небо было белесое, выцветшее, как старая рубашка. Облаков не было уже месяц. Она помнила дождь — он шел когда-то давно, может, года три назад, когда ей было пять. Она стояла под навесом и смотрела, как капли падают в пыль, оставляя темные кратеры. Отец выбежал во двор с ведрами и тазами, ловил воду, смеялся. Мать стояла на крыльце и плакала — от счастья. Тогда Лейла не понимала, почему от дождя можно плакать. Теперь понимала. Дождь был чудом. Чудом, которое больше не повторялось.

Во двор вышел соседский мальчик, Тони. Ему было десять, он был тощий, как жердь, с выпирающими ключицами и большими черными глазами. Его семья приехала из Аризоны, когда там кончилась последняя скважина. В Аризоне теперь никто не жил — только военные базы и брошенные города, которые медленно заносило песком. Тони говорил, что помнит, как его мать продала обручальное кольцо за пять литров воды. Кольцо было золотое, с бриллиантом, она носила его двадцать лет. Но жажда сильнее любви. Жажда сильнее всего.

— У тебя кровь на подбородке, — сказал Тони.

— Зуб выпал. — Лейла показала дырку во рту.

— У меня уже шесть выпало. — Тони оскалился, демонстрируя пустые десны. — И новые не растут. Мать говорит, это потому что кальция нет. У нас в Аризоне тоже не было. Я пил воду из скважины, а она была горькая, хуже здешней. У меня живот болел каждую ночь.

— У меня тоже болит.

— Это соль. Соль разъедает кишки. Мне бабушка говорила, пока не умерла. Она говорила, что раньше люди умирали от старости, а не от воды.

Они сидели на ведрах и смотрели на улицу. Улица была пустая, только пыль кружилась маленькими смерчами. Где-то далеко лаяла собака — та самая, старая, которая жила без хозяина. Лейла думала о том, что будет, когда у нее выпадут все зубы. Она видела таких людей — стариков с проваленными ртами, которые не могли жевать и пили жидкую кашу через трубочку. Они умирали быстро, потому что каша тоже требовала воды, а воду нужно было экономить. Стариков хоронили на общем кладбище за городом, в братских могилах без имен. Говорили, что кладбище пахнет солью, потому что тела не разлагаются, а мумифицируются в сухой земле. Лейла не хотела стать мумией. Она хотела жить.

— Ты веришь в Бога? — спросил Тони.

— Не знаю. Мама говорит, что Бог нас испытывает.

— Моя мама говорит, что Бог умер. Что Он не мог создать такой мир и не заплакать. А раз Он не плачет, значит Его нет.

— Может, Он плачет, а мы не видим?

— Тогда это не слезы, а дождь. А дождя нет. Значит, нет и слез.

Лейла подумала об этом. Мысль была тяжелая, как камень. Она представила Бога — старого человека с бородой, который сидит на облаке и смотрит вниз, на высохшую землю, на людей, которые пьют соленую воду, на детей, у которых выпадают зубы. Если Он видит все это и ничего не делает, значит, Он злой. Если Он не видит — значит, Его нет. В любом случае, толку от Него никакого. Лучше надеяться на отца и на его станцию. Отец хотя бы приносил воду каждый день. Пусть горькую, пусть соленую — но воду. А Бог не приносил ничего.

В полдень вернулась Сара и позвала Лейлу обедать. Обед был — та самая банка сардин, которую принесла Кармен, и лепешки из кукурузной муки. Сардины были соленые, но вкусные. Жир блестел на губах, и Лейла слизывала его, потому что жир — это калории, а калории — это энергия. Энергия нужна чтобы ходить за водой, чтобы стоять в очереди, чтобы не упасть и не умереть на обочине. Все в этом мире сводилось к простым вещам — воде и энергии. Вода давала жизнь, энергия давала воду. Замкнутый круг, из которого не было выхода.

После обеда они пошли за водой. Распределительный пункт находился в здании бывшей школы, в трех кварталах от дома. Очередь начиналась за два часа до открытия, и они взяли с собой канистры, старые пластиковые бутылки из-под молока (молока не было уже пять лет, но бутылки остались), термос, который Майкл приносил со станции. Все емкости были подписаны — имя, адрес, номер водной карточки. Водная карточка была главным документом, важнее паспорта, важнее прав, важнее свидетельства о рождении. Без водной карточки ты был никто. Ты мог умереть на улице, и никто не подошел бы, потому что помощь тоже стоила воды.

Очередь тянулась вдоль улицы, человек триста. Люди стояли с канистрами, с ведрами, с пластиковыми пакетами, которые протекали. Стояли молча, потому что разговоры отнимали влагу, а влагу нужно было беречь. У некоторых были дети, которые держались за материнские юбки и смотрели пустыми глазами. Дети в очередях не плакали. Плач отнимал воду, а воду нужно было экономить. Они просто стояли и ждали, как маленькие старички, которые уже все поняли про эту жизнь.

Впереди кто-то упал. Женщина, пожилая, в сером платке. Она просто осела на землю, как мешок с костями, и не двигалась. Люди обошли ее, некоторые перешагнули. Никто не наклонился, не проверил пульс, не позвал на помощь. Если человек упал в очереди за водой — он уже мертв. Если он еще жив — он встанет сам. Если не встанет — значит, судьба. Судьба была единственным, что осталось у людей, кроме жажды.

— Мам, она умерла? — спросила Лейла.

— Не знаю, — сказала Сара. — Не смотри.

Лейла посмотрела. Она всегда смотрела, хотя мать запрещала. Ей казалось важным видеть смерть. Смерть была частью жизни, такой же обычной, как очередь за водой, как кашель с кровью, как выпадающие зубы. Если отводить глаза, смерть не исчезнет. Она просто станет невидимой, как бактерия в воде. Но она все равно будет там, внутри, ждать своего часа.

Через час они подошли к окошку выдачи. За бронированным стеклом сидел служащий, лысый мужчина с потрескавшимися губами и красными глазами. Он проверил карточку, сверил номер с базой, кивнул.

— Три литра на человека. Шесть на двоих.

— У меня муж — работник станции. Ему положен дополнительный паек.

— Дополнительный паек отменили с августа. Приказ департамента.

— Почему?

— Не знаю. Спросите в департаменте.

Сара знала, что в департаменте спрашивать бесполезно. Департамент водных ресурсов находился в центре города, в высотном здании, которое охраняли военные. Туда не пускали простых людей, только по специальным пропускам. Ходили слухи, что сотрудники департамента получают по десять литров в день и моются в душе каждую неделю. Слухи были злые, но, наверное, правдивые. Всегда были те, кто распределяет воду, и те, кто ее пьет. Первые никогда не испытывали жажды.

Она взяла шесть литров — две трехлитровые бутылки, мутные, с осадком на дне. Осадок был белый, похожий на мел. Это были минералы, которые добавляли в воду после опреснения, но добавляли плохо, неравномерно. В одной бутылки минералов могло быть слишком много, в другой — почти ноль. От первой болел живот, от второй выпадали зубы. Выбирать не приходилось.

По дороге домой они увидели военный конвой. Четыре грузовика с пехотой, два бронетранспортера с пулеметами. Солдаты сидели в кузовах, держа автоматы, и смотрели на очередь пустыми глазами. Они были молодые, некоторые — почти мальчишки. Им наливали воду бесплатно, три литра в день плюс армейский паек. За это они должны были стрелять в тех, кто попытается отнять воду у государства. Пока что стреляли редко. Пока что люди просто умирали в очередях, не бунтуя. Но все знали, что это временно. Когда жажда становится сильнее страха, люди перестают бояться пуль.

Дома Сара перелила воду в термос и спрятала в подвал. Подвал был маленький, темный, с земляным полом. Там пахло плесенью и крысами. Крысы тоже хотели пить, и они прогрызали пластиковые бутылки, если оставлять их без присмотра. Сара ставила бутылки на металлический стеллаж, подвешенный к потолку на проволоке. Крысы не умели лазать по проволоке, но они учились. Эволюция ускорилась, и животные приспособивались быстрее людей. Крысы, чайки, медузы — все они находили способы выжить в соленом мире. Только человек оставался хрупким и уязвимым, несмотря на весь свой разум.

Вечером вернулся Майкл. Он был еще серее, чем вчера. Руки дрожали, на лице — красные пятна от перегрева. Он сел за стол, выпил свою порцию воды, съел лепешку. Молчал. Сара смотрела на него и ждала, когда он заговорит. Он всегда молчал первые полчаса после смены, переваривая день. Потом рассказывал — о насосах, о мембранах, о бактериях, о слухах. Сегодня он молчал дольше обычного.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего.

— Ты врешь.

Он поднял глаза. Глаза были красные, воспаленные, как у всех, кто работал на станции. Соль разъедала слизистую, и глаза сохли, и веки скрипели когда моргаешь. Он посмотрел на жену, на дочь, которая сидела в углу и листала старую книжку с картинками (книжка была про океан, про рыб и китов, Лейла любила смотреть на воду, даже нарисованную). Потом перевел

взгляд на свои руки — в трещинах, в ссадинах, с черной каймой под ногтями от машинного масла.

— На станции проблемы, — сказал он. — Седьмой модуль течет, заплатка не держит. Пятый насос перегрелся, пришлось остановить. Третий день работаем на половине мощности. Город получает на двадцать процентов меньше воды.

— Это много?

— Это значит, что к концу месяца резервуары опустеют. Если не починим насос — станция встанет совсем.

— И что тогда?

Он не ответил. Ответ был очевиден. Если станция встанет, Сан-Диего умрет. Два миллиона человек. Может, больше. Те, у кого есть деньги, уедут на север, в Орегон или Вашингтон. Те, у кого нет, останутся и будут умирать — от жажды, от холеры, от вирусов, от дизентерии. Улицы заполнятся трупами, и хоронить их будет некому, потому что копать могилы в сухой земле — тяжелая работа, требующая воды. А воды не будет.

— Я что-нибудь придумаю, — сказал он. — Всегда придумывал.

— Ты не Бог, Майк.

— Я знаю. Но я инженер. Инженер должен решать проблемы.

— Некоторые проблемы не решаются.

Она закашлялась, и на платке снова осталось красное. В этот раз пятно было больше, с темными сгустками. Майкл смотрел на платок и думал о том, что сказала Кармен — о новом вирусе, о том что вода не усваивается, о том что люди умирают за три дня. Он не знал, были ли это тот самый вирус или что-то другое. Он знал только, что время уходит. Уходит, как вода сквозь ржавые трубы, как жизнь сквозь пальцы. И ничего нельзя сделать. Только смотреть.

Ночью Лейла проснулась от жажды. Она встала, нащупала в темноте кружку с водой, сделала глоток. Вода была горькая, но холодная, и это было хорошо. Она выпила половину, оставила остальное на утро. Потом легла обратно, закрыла глаза и попыталась уснуть.

Ей приснился океан. Не тот океан, который был на самом деле — серый, мертвый, пахнущий тухлыми яйцами. А другой — синий, прозрачный, с волнами, которые светятся изнутри. Она плыла в этом океане, и вода была теплая, как ванна (ванны у них не было уже четыре года, но она помнила — смутно, как сквозь туман). Она открывала рот и пила, и вода была пресная, сладкая, и зубы не болели, и десны не кровоточили. Она пила и не могла напиться, и океан не кончался, он был бесконечный, как небо.

Проснулась она от того, что мать кашляла в соседней комнате. Кашель был глухой, надсадный, с бульканьем в конце. Лейла лежала и слушала этот кашель, и думала о том, что океан из сна — это ложь. Настоящий океан был соленым. Настоящая вода была горькой. Настоящая жизнь была — кашель, и кровь, и очереди, и пыль. Но сон был хороший. Ради таких снов стоило засыпать каждую ночь.

На следующий день Кармен принесла новость. Она вошла без стука, села за стол и сказала:

— В Юме нашли воду.

Сара перестала мешать кашу. Лейла отложила книжку. Обе смотрели на Кармен, и та продолжала, понизив голос до шепота, хотя в доме никого не было:

— Я говорила с медбратом из госпиталя. Его брат служит в инженерных войсках на границе. Они пробурили скважину в пустыне, к востоку от Юмы. Триста метров вниз. Вода пресная, артезианская, под давлением — сама идет на поверхность, даже насос не нужен. Запасы — на сто лет, если не больше. Подземное море, которое тянется до самой Соноры.

— Откуда ты знаешь? — спросила Сара.

— Знаю. Люди говорят. Солдаты говорят. Это не слухи, Сара. Это правда.

Она замолчала, глядя в окно. Там, за пыльным стеклом, был двор с пересохшим кустом, который они поливали остатками воды из-под мытья посуды. Куст все равно умирал, листья желтели и скручивались, но Саре было жалко его выкорчевать. Он был живой.

— Если это правда, — сказала Сара, — почему правительство молчит?

— Потому что Мексика. Если мексиканцы узнают, они вторгнутся. Граница в двадцати километрах от скважины. Двадцать километров — это час на танке. Они уже стягивают войска к Калексико, я слышала. Наши тоже стягивают. Будет война.

— Война уже идет.

— Это была маленькая война. Перестрелки на границе, рейды, диверсии. А будет большая война. За воду. За ту воду, которая под землей.

Лейла слушала и думала: под землей есть вода. Целое море. И оно пресное, чистое, его можно пить, и зубы не будут выпадать, и мама перестанет кашлять кровью. Но чтобы добыть эту воду, нужно воевать. Война — это когда убивают людей. Убивают из-за воды. Это было странно и неправильно. Вода должна давать жизнь, а не смерть. Но в этом мире все было наоборот. Вода давала смерть, а смерть давала воду — тем, кто выживет.

Вечером пришел Майкл. Он был еще более серый, чем вчера. Пятый насос встал окончательно, подшипники рассыпались в пыль. Станция работала на сорока процентах мощности. Город получал половину нормы. В очередях начались драки, и полиция применила дубинки. Троиш увезли в госпиталь, один умер по дороге — черепно-мозговая травма от удара прикладом. Имя погибшего не назвали, но Майкл знал, что это кто-то из их района. Район был маленький, все друг друга знали.

— Я слышал про Юму, — сказал он, когда они сели ужинать.

— Все уже слышали, — ответила Сара.

— Это правда?

— Кармен говорит, что правда. Ее знакомый медбрат знает солдата, который видел скважину.

— Это не доказательство.

— Других нет.

Он долго жевал лепешку, запивая водой. Вода была горькая, сегодня хуже обычного. Мембраны разрушались быстрее, чем он ожидал. Если так пойдет дальше, через месяц вода будет неотличима от морской. И тогда станция станет бесполезной грудой металла, а город — братской могилой.

— Я могу узнать, — сказал он наконец. — У меня есть знакомый в департаменте. Работал со мной в сорок шестом, теперь сидит в управлении. Если скважина существует, он должен знать.

— Это опасно?

— Опасно. Если информация засекречена, за вопросы могут посадить.

— Тогда не спрашивай.

— Я должен. Если есть вода, мы должны получить к ней доступ. Иначе мы все умрем. Ты, я, Лейла. Все.

Сара ничего не сказала. Она смотрела на мужа и видела, что он уже принял решение. Он всегда так делал — сначала принимал решение, потом говорил о нем. Так было когда он пошел работать на станцию, когда отказался от эвакуации в Орегон, когда остался в Сан-Диего несмотря ни на что. Он был упрямый, как старый насос, который продолжает качать, даже когда подшипники рассыпались. Иногда это помогало. Иногда — убивало.

Ночью Майкл не спал. Он лежал на спине, смотрел в потолок и думал. Думал о скважине в пустыне, о мексиканских танках, о мембранах, которые нельзя починить, о жене, которая кашляет кровью, о дочери, у которой выпадают зубы. Все эти мысли крутились в голове, как шестеренки в сломанном механизме, и не давали уснуть.

Он встал в четыре, как всегда. Выпил воды, почистил зубы пальцем (зубной пасты не было, а щетка изнасилась до пластикового основания). Вышел во двор. Небо на востоке серело, но звезды еще были видны. Он нашел Полярную звезду — единственную, которую знал. Она висела на том же месте, что и всегда. Ей было все равно, есть вода на Земле или нет. Звезды не пьют.

Он подумал о том, что будет через месяц. Через месяц станция встанет. Через месяц вода кончится. Через месяц умрут те, кто не успеет уехать. Их семья не успеет. У них нет денег на переезд, нет родственников на севере, нет ничего, кроме этого дома и этой работы. Значит, нужно найти воду здесь. Под землей. В пустыне. В Юме.

Он решил, что сегодня же поговорит со своим знакомым из департамента. Пойдет к нему после смены, напрямую, без звонков и сообщений (связь прослушивалась, это знали все). Спросит прямо: есть скважина или нет? Если есть — что они собираются с ней делать? И если ответ будет «ничего», он пойдет дальше. К журналистам, к военным, к кому угодно. Люди должны знать. Люди имеют право знать, за что они умирают.

Он не думал о последствиях. Последствия были роскошью, как совесть, как слезы. Он думал только о воде. О пресной воде, которая где-то там, под песком и камнем, ждет, когда ее поднимут на поверхность. О воде, которая может спасти его дочь. Его жену. Его город.

Когда он уходил на станцию, солнце уже встало. Лучи осветили ржавые крыши, пыльные улицы, пустые канистры, оставленные у дверей. Город просыпался, чтобы прожить еще один день. Еще один день в мире, где вода стала дороже нефти, а жизнь — дешевле песка.

СКВАЖИНА

Знакомого из департамента звали Леонард Коэн. Не певец, просто однофамилец, хотя старик Гонсалес когда-то шутил, что фамилия обязывает и Леонард должен петь. Леонард не пел. Он был молчаливым, сутулым человеком с вечно потными ладонями и привычкой моргать чаще, чем нужно. В сорок шестом он работал на станции инженером-гидравликом, проектировал систему обратного осмоса для второй очереди, и Майкл помнил его как толкового специалиста, который мог рассчитать давление в трубопроводе с точностью до третьего знака. Потом Леонард ушел в департамент, на повышение, и с тех пор они не виделись. Ходили слухи, что он сделал неплохую карьеру — не потому что был умнее других, а потому что умел молчать когда нужно. В департаменте ценили молчаливых. Молчаливые не сливали информацию, не задавали лишних вопросов, не подрывали устои. Молчаливые были идеальными винтиками в машине распределения воды.

Майкл нашел его через старые контакты. Позвонил по внутреннему номеру, который дал Гарсия (у Гарсии всюду были друзья, он собирал их как марки — на всякий случай). Леонард не удивился звонку. Сказал: «Приходи в четверг, после шести. Только без пропуска не пустят, я закажу тебе гостевой». И повесил трубку, не попрощавшись. Майкл запомнил это.

В четверг он отпросился со смены на час раньше, соврал что заболела дочь. Мастер, толстяк по имени Брэдли, поколебался, но отпустил. Майкл редко отпрашивался, и это работало ему в плюс — если человек редко просит, ему не отказывают. Так было всегда, и он этим пользовался, хотя внутри чувствовал горечь от того, что приходится врать. Но правда стоила дороже лжи, и он выбрал правду — ту правду, которую надеялся узнать у Леонарда.

Здание департамента водных ресурсов стояло в центре города, двадцать два этажа стекла и бетона, построенное в двадцатых когда еще верили в прогресс. Теперь стекло было мутным от соляных разводов, а бетон покрылся трещинами, но внутри все еще работали кондиционеры и горел свет. Кондиционеры и свет — это было привилегией, такой же редкой как чистая вода. Обычные люди жили без кондиционеров и света большую часть дня, но департамент был исключением. Те, кто распределял воду, не могли страдать от жажды или жары. Это было бы неэффективно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.